

Илья Муромец и Соловей-разбойник (11)

В селе Карачарове жил-был Иван Тимофеевич. Был у его сын Илья, и сидел он без ног тридцать лет. И вот однажды во время пошел он, Иван Тимофеевич, на сенокос со своей хозяйкой.

Илья остался дома, лежал на кровати. В это время пришли две калики перехожие под окно к ему и колотятся в окно. Просят его милостыню подать. Он и говорит: «Рад бы подать — да не могу: ног нет!» Потом они заходят к ему в комнату и говорят: «Довольно тебе, Ильюша, нежиться! Вставай, протягивай, говорят, одну ногу!»

И он протянул, потом вторую протянул. И вот он стал на рёзвы ноги! Побежал он в глубокий погреб, налил там чару пива хмельного и подносит каликам. Они оборачивают ему, говорят: «Ильюша, сам выпей!» Он выпил сам эту чару, побежал за другой, притащил вторую чару в полтора ведра и подносит. Они опять отворачивают ему. Вот он и выпил. И спросили: «Как себя чувствуешь, много ли силушки имеешь?» И вот он говорит: «Было бы нёбо и золотое кольцо в столбе — я бы повертил нёбо к земле!»

И тогда калики подумали, что силы много Ильюше дали. «Ну, — говорят, — иди и опять принеси пива хмельного». Он взял братыню и опять принёс им. Они опять поворачивают ему, говорят: «Выпей!» Он выпил. «Ну как, чувствуешь в себе силу?» — «А силы у меня в половине убыло». «Ну, — говорят калики, — тебе этой силы довольно: больше тебе смерть в поле не писана!»

Эти калики перехожие потерялись в это время. Тогда он вышел на улицу.
Был у них холм
крутой, он его спихнул и засыпал всю муравку землёй. Силушку свою
испробовал. Потом отец с
мамашей приходит домой и видят: Ильюша ходит на своих резвых ногах; и
они удивились. Вот он
рассказал: так и так, как было дело. Ну, он чувствует себя богатырём.
Нужна его богатырская
сбруя. Купил он у одного мужичка шелудивого жеребенка. *(Старцы ему
сказали про него — я
давеча забыл вам сказать, — что «там-то купи!»)*

Вот этого жеребенка пустил в поле, до трёх зарях выкатал, выкормил — он
кормил его белоёровым
зерном. Потом богатырскую сбрую себе приобрел, что полагаетца: меч-
кладенец, шашку,
стрелы, палицу боевую в сорок пуд, лук. Задумал он ехать в Россию, в
стольне Киев-град к
солнышку князю Владимиру.

И вот он снарядился. Отец с матерью благословение дали, и он поехал. И
поехал он тем путём
— по той дороге никто не проезжал тридцать лет, все сгнили мосты. И на
той дороге жил Соловей
Рахматович, не допускал никого, духом отшибал. Идёт он по дороге, едет,
одной рукой
мосты стелет, другой коня ведёт по болотам. Услыхал тут Соловей
Рахматович за тридцать вёрст
богатырский топот. Зашипел по-змеиному, засвистел по-соловьиному,
ряхнул по-куриному. У
Ильи конь на колени пал. Тогда Илья сказал: «Уж ты конь, мой конь —
травяной мешок! Не
слыхал ты свиста соловьиного, крика звериного?» Садился Илья на коня,
вынимал стрелочку калёную,
приговаривал: «Лети, моя стрела, не спрашивая, лети прямо Соловью в
правый глаз — который
Соловей сидит на двенадцати дубах».

Сам в это время, как взвыла стрела, пролетела, — он припустил. Попала
стрела к Соловью в

правый глаз — он пал с двенадцати дубов. Подъезжал он, схватил за волосы, кольцо продел в губы, приковал к седлу. И поехал по дороге дальше, а он тащит дальше по дороге. Подъезжает он к еговому дому. Вокруг дома — ограда, на каждом столбушке по головы сидят. Увидала его жена. Восходит солнце красное. Видит: богатырь тащит мужа. Побежала она к своим детям: «Вставайте, вашего папашу богатырь везёт! Берите подарочки, выкупайте его!»

Дети не верят. А он подъезжает к ограды. Ничего она не могла добиться. Выбежала навстречу, встала в подворотню. Он подъехал, привязал коня к столбу и пошел к ей в комнаты. Выбежала его встречать, жалуется, в гости пригласила, подарочки вынесла на золотом блюде: хозяйина выручить стремитца. Он идёт за ей, в коридор, а там была подворотня. Он в эту подворотню сунул палицу — подворотня хлопнула. Она махнула шашкой по головы, а он увернул! Он сейчас ее тут схватил, розорвал, по чисту полю разбросал, детей убил, дом зажег, — дальше поехал, а Соловья с собой повёз.

Едет он дальше, подъезжает к городу Чернигову. Кругом города Данило Белый, войско стоит — никак не подъедешь к ему. Он это, значит, войско чисто всё прогнал: кого убил, Данило Белый на уход ушел. Черниговские идут стрелять, ворота открыли. Черниговский царь оставлял его здесь, но он не оставался: «Я не служака вам! А поеду дальше в Россию».

Подъезжает он к городу Киеву. Прямо коня пришпорил, через стенишку городскую махнул. Привезал коня к кольцу на заставе богатырской. Заходит он в палаты белокаменны князя Владимира. Крест кладёт по-писаному, поклон ведёт по-учёному, княгине [кланяется] во особину. В это время у князя Владимира вёлся бал (*балы у него всё тогда были*).

Посадил его за столы. Видит,
что человек не простой приехал. Подносит, заставляет ему налить чару
пива хмельного в полтора
ведра. Выпивает он за единый дух. Стал князь Владимир спрашивать:
«Каких городов,
роду-племени, какого отца-матери, какую дорожкой ехал?»

Вот он и говорит: «Я отца не славного. Из города Мурома, села Карачарова,
Илья Муромец,
крестьянский сын». — «Каким путём ехал?» — «Я ехал прямым путём». Они
не верят: «Тем
путём не проехать: там же Соловей Рахматович!» — «Ну, если не верите —
он у меня на площади
у коня прикован. Можете посмотреть, какой есть!»

Действительно, те убедились, сходили посмотреть, что есть, доложили. Они
захотели свисту
соловьиного послушать, как он заревёт.

«Прикажи-ка ему зареветь!» Он его отковал, отвёл в комнату, приказал ему:
«Только зареви
в полсвиста соловьиного, во весь свист не свищи!»

А он закричал, зашипел, засвистал во весь свист, ряхнул по-куриному. В это
время Илья
Муромец князя и княгиню прикрыл куньей шубой. А другой народ весь в
бесчувствии: кто кончился,
а кто без памяти ползает. Он хотел их всех убить своим свистом, а сам уйти!
Тогда рассердился
Илья Муромец, схватил его за желты́ кудри́, вытащил в чисто поле и
розорвал, и раскидал
на куски по чисту полю. *(Этим и кончилось.)*

*(Зап. А. М. Астаховой 24 июня 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от
Гольчикова Филиппа Васильевича, 40 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.